

Лола
МАГНУМ

ЛЮБОВНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юлей мачехи

18+

Лола Магнум

Любовник моей мачехи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73290468

SelfPub; 2026

Аннотация

Как только за нами закрылась дверь, я начала брыкаться.

– Пусти! Какого хрена?! Да кто ты такой?! – прошипела я, пытаюсь вцепиться ногтями в его предплечье. Он даже не поморщился.

– А если нет? – он приподнял бровь, будто я была не угрозой, а забавным котёнком, у которого внезапно полезли когти.

– Ах ты...! – я взбеленилась, но он уже развернул меня спиной к себе и прижал к стене.

Грудь вздымалась от ярости, но его тело, огромное и тёплое, пригвождало меня на месте.

– Ну и характер, – прошептал он мне в ухо, а горячее дыхание обожгло мне шею. – Успокойся, – хриплый шепот щекочет моё ухо. – Твой Петечка сейчас сидит и молчит, как рыбка. Ты же об этом беспокоишься? Что в твоё отсутствие он поговорит по душам с твоим отцом и расскажет ему о твоём невинном секрете?

Содержание

Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лола Магнум

Любовник моей мачехи

Глава 1

Аглая

Утро началось с дождя. Мелкого, назойливого, будто сама осень решила мне напомнить: «Ты не спишь, а зря». Я прижалась лбом к холодному стеклу маршрутки, слушая, как капли стучат по крыше, словно торопливые пальцы по клавишам.

В университете меня ждал Пётр.

Он стоял под зонтом у главного входа, красивый, правильный, с идеально уложенными волосами и таким же идеально выверенным выражением лица: «Я терпелив, но всему есть предел».

– Аглая, – он улыбнулся, но глаза остались холодными. – Опять не выспалась?

Я пожала плечами, пряча синяки под глазами за очередной порцией тонального крема.

– Работа.

– Опять там? – его голос стал резче.

Я знала, что он имеет в виду. Мою работу, чтобы оплачивать учебу и не просить денег у отца.

Пётр ненавидел это место. Ненавидел даже мысль, что кто-то другой видел меня в таком виде.

– Надо же на что-то жить, – пробормотала я.

– Папаша у тебя далеко не бедный, – Пётр скривил губы, будто слова о моём отце оставили на языке горький привкус. – Мог бы и оплатить учебу, если бы ты попросила.

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как под кожей закипает что-то колючее, обидное. Но голос мой остался ровным. Слишком привыкла держать удар.

– Он и предлагает. Каждый раз. Но я не хочу, – я посмотрела прямо в его холодные глаза. – Хочу сама. Потому что это моя жизнь, и если я сейчас не научусь стоять на своих ногах, то потом... Потом уже не смогу.

– Я тоже мог бы оплатить твою учебу, – Пётр резко перехватил мою руку, сжимая её так, будто хотел вдавить в мои ладонь свою волю. – Но ты же гордая. Слишком гордая, чтобы принять помощь даже от меня.

Его слова ударили по нервам, будто тонкие лезвия. Я выдернула руку, чувствуя, как внутри закипает что-то острое, ядовитое.

– Это не про гордость, – прошипела я, стараясь не повышать голос. Вокруг уже крутились любопытные взгляды. – Это про то, что я не хочу быть обязанной. Ни отцу, ни тебе, никому.

Пётр закатил глаза, будто мои принципы были просто глупым капризом.

– Обязанной? – он фыркнул. – Мы же вместе. Или ты до сих пор не поняла, что это значит?

Я поняла. Очень хорошо поняла. В его мире «вместе» означало «ты – моя». Моя девушка, моя собственность, мои правила.

– Вместе – это когда двое, а не когда один решает за другого, – бросила я и шагнула мимо него, в сторону дверей университета.

Он догнал меня за пару шагов, и схватил за локоть, резко развернув меня к себе.

– Аглая, давай не будем ссориться.

– Я и не ссорюсь. Я пытаюсь донести до тебя, что хочу чего-то добиться сама. Не за твой счёт, не за счёт отца, а сама, понимаешь?

Пётр фыркнул, провёл рукой по волосам, небрежно смахивая капли дождя. Его движения были отточенными, как всё в нём – аккуратные, выверенные, без лишних жестов. Без лишних эмоций.

– И ради этого ты... – он запнулся, будто даже слово «это» обжигало ему язык... – *Работаешь там?*

Я закусила губу. Да. *Работаю там.* Там, где никто не видит ни синяков под глазами, ни дрожи в пальцах. Где я могу быть не Аглаей – дочерью, студенткой, чьей-то почти невестой. Где я просто тело в движении, и это освобождает.

– Это работа, – сказала я твёрдо. – И только. Ты же знаешь, что ничего больше.

Он знал. Но это не имело значения. Для него всё, что выходило за рамки его идеального мира, было грязным. Непра-

вильным. Как и шрамы, которые он однажды увидел у меня на бёдрах – следы падения с велосипеда в детстве. Тогда он поморщился: «Жаль, что не зажили ровно».

Пётр вздохнул, поправил галстук – чёрный, как его строение.

– Ладно. Но если отец узнает...

– Он не узнает, – резко оборвала я. – Если ты не скажешь.

Пётр фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то расчётливое. Он провёл пальцем по моей щеке, будто стирая несуществующую пылинку, и наклонился чуть ближе.

– Хорошо, – прошептал он. – Я не скажу. Но взамен...

Его дыхание было тёплым, но от него повеяло холодом. Он не договорил, лишь улыбнулся – той самой улыбкой, которая никогда не касалась его глаз.

Я поняла. Всё в этом мире имело цену. Даже молчание.

И я уже догадывалась, какую именно он за него потребует.

Он схватил меня за локоть, притянул ближе.

– Хватит. В эти выходные мы едем на базу. Только мы двое.

Я замерла. Он говорил это уже в третий раз за месяц. И каждый раз я находила причину отказать.

– Пётр...

– Нет, Аглая, – его пальцы впились в мою кожу. – Ты не ребёнок. Тебе двадцать. Почти. Ты носишься со своей девственностью, как дурак с писаной торбой. Мне надоело ждать.

Его слова обожгли. Я резко вырвала руку.

– Может, дело не во мне, а в том, что ты ведёшь себя, как упёртый баран?

Он засмеялся, но смех был злым.

– Очень смешно. Ты хочешь сказать, что я должен ещё заслужить? После двух лет отношений?

Я не ответила. Дождь лил сильнее, превращаясь в стену между нами.

В этот момент зазвонил телефон. Отец.

– Аглай, привет, – его голос был тёплым, но усталым. – Как дела?

– Нормально, – я отвернулась от Петра.

– Слушай, может, приедешь на выходные? Погода хорошая, воздух... Светка пироги испечёт.

Светка. Его новая жена. Молодая, яркая, с хищным блеском в глазах. Я почти физически чувствовала, как она смотрела на меня в прошлый раз – будто оценивала, насколько я помешаю её новой жизни.

Я хотела отказаться. Но потом взглянула на Петра, на его сжатые челюсти, на дождь, на серый город – и внезапно поняла: мне нужно бежать. Хотя бы на пару дней.

– Хорошо, пап. Приеду.

Когда я положила трубку, Пётр уже шёл прочь, даже не оглянувшись.

А я стояла под дождём и думала, что, возможно, это к лучшему.

Я ещё не знала, что через два дня встречу его.
Того, кто разорвёт мою жизнь на до и после.

Глава 2

Сергей

В предрассветной тишине на большой поляне в лесу сидел волк и, закрыв глаза, прислушивался. Кроны деревьев были настолько густы, что на поляну практически не проникал лунный свет.

Еще секунда и... Едва первые лучи, и даже не лучи, а едва чуть светлое марево забрезжило на небе, волк рванул с места и понесся сквозь лесную чащу, не чуя лап и практически не касаясь земли.

Прыжок, и вот уже его лапы впиваются мне в плечи, когти рвут кожу, как пергамент. Пасть – горячая, липкая, звериное дыхание обжигает лицо. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он тяжелее, сильнее, живее. Слюна капает мне на грудь, смешиваясь с кровью.

– Сука! – хриплю я, впиваясь пальцами в его глотку.

Он рычит, и этот звук – будто земля трескается подо мной. Глаза горят, как угли в пепле. Я чувствую, как его зубы смыкаются на моей ключице, кость хрустит.

Всё.

Я проиграл.

Но в последний момент, когда тьма уже затягивает меня, как болото, я...

Просыпаюсь.

Рывком, со стоном и хрипом подскочил в кровати и сел, бездумно уставившись стеклянным взглядом в стену напротив.

Воздух вырывался из груди с толчками и хрипом, сердце бешено колотилось, накачивая адреналином кровь, перед глазами мелькали те же, из сна, алые пятна, с черными кляксами. Тело было липким от пота, простыни, сбитые в кучу, промокли насквозь.

Сон. Это всего лишь был сон.

Я думал, что закончил с этими кошмарными сновидениями, думал, они меня отпустили...

В первое время кошмары преследовали меня каждую ночь. Как я тогда с ума не сошел? Хрен его знает! Нервы на пределе, кидался на людей из—за всякой ерунды, за косой, по моему мнению, взгляд, за кривую улыбку, за шепот за его спиной. Меня приводили в полицию за хулиганство, там же избивали для успокоения.

И вот, когда я уже был близок к тому, чтобы сдаться, в ближайшую же ночь, проспал без единого сновидения. Вот как лег — так и проснулся, в этой же позе.

Я тогда с удивлением открыл глаза, обнаружив себя лежащим в уютной постели, с ровно бьющимся сердцем, без неприятного липкого пота, без адреналина в крови.

Долго лежал, прислушиваясь к себе. В то утро я впервые увидел, как красиво пробивается солнечный луч сквозь его тюль на окне и бежит по полу.

– Твою мать, – сдавленно ругнулся сквозь зубы, – почему сегодня?

Вздохнув, сунул ноги в тапки, встал и поплелся в ванну. Включив воду в кране, он уставился на свое отражение в зеркале. На него смотрел небритый лохматый мужик с помятым лицом и синяками под глазами.

Почистив зубы и приняв холодный душ, голышом прошел на кухню и зарядил кофеварку. Часы показывали пять утра.

Зевнув и почесав живот, взял кружку уже готового обжигающе горячего черного кофе и вышел на крыльцо своего не очень большого, но добротного уютного дома, через дорогу от которого начинался лес, переходящий в тайгу.

После того случая я предпочитал жить поближе к дикой природе, надеясь увидеть ту ушастую падлу. Мне ему должок вернуть надо бы...

– У-ы-а-ы-у-о-о-о-о, – зевнул во весь рот, поставил кружку с кофе на основательные резные деревянные перила, и с удовольствием, до хруста в костях, потянулся.

Утренняя прохлада приятно холодила разгоряченное после кошмарного сна тело, придавая бодрости и прогоняя остатки сна.

«Женщину бы сейчас сюда – подумал, глядя на свой утренний стояк. – Сходить, что ли, к Светке?»

Эта всегда готова бежать ко мне, несмотря на моё уродство, утром ли, ночью ли – только помани. Жаркая баба, безотказная, хоть и замужем.

Они сейчас как раз с мужем здесь. Муж уже должен быть на своей рыбалке на озере в километре отсюда.

Подкурил сигарету и сделал первую, утреннюю затяжку, запивая ее глотком горячего двойного эспresso.

– Нет, – решительно тряхнул головой, – не будем портить столь прекрасное утро тем, чего и так в избытке – только свистни. Светку я загну в любое время, а такое утро – оно никогда не повторится.

По телу мурашками бежала приятная истома: от затылка сбежала по шее, заставив меня с наслаждением повести плечами и сделать головой круговое движение, затем протопала своими мурашковыми ножками по спине, раздражив позвоночник, и с размаху пнула в пах. Младшенький аж подскочил и чуть не пустил слезу.

Блаженно крикнув, взял в кулак младшего и провел по восстановшему стволу вверх-вниз. Затем снова вверх и закрыл головку крайней плотью, слегка ее массируя.

– О-о-о-х-х-х-х! – простонал, зажмуривая глаза и откидывая голову назад.

Я задышал чаще, кулак продолжал свои неторопливые движения по члену, вызывая будоражащую дрожь, играющую по нервным окончаниям, как виртуоз-пианист по клавишам.

Яйца поджались, мышцы тела были натянуты, как тетива лука и звенели, как закрытая струна на гитаре...

– Такое утро пропадает – простонал, медленно сам себе

мастурбируя и приняв все-таки решение свистнуть Светку.

Но свистеть не стал, а взял кружку еще не совсем остывшего кофе, вышел за калитку своего участка и, как был, держа в одной руке кружку с кофе, а в другой сигарету, направился к дому Светки.

Дорогу мне, как стрелка компаса, бодро показывал мой младшенький, не обращая внимание на довольно таки прохладное утро.

Подойдя к ее забору, осмотрелся. Мх-м, их машина стояла под навесом, а вот квадроцикла благоверного не было. Значит, уехал на рыбалку.

– Ну, ему же хуже, – пробормотал, пожав плечами и, сделав очередную затяжку, негромко протяжно завыл.

Минуты не прошло, как в окне мелькнуло женское лицо, и буквально через несколько секунд из дома выбежала молодая, крепкая женщина, кутаясь в цветастую шаль.

Сбежав со ступенек, она, на ходу поправляя растрепанные со сна волосы, быстро семенила мелкими шажочками к воротам где, открыв небольшую неприметную дверку хотела кинуться мне на шею, остановилась, как вкопанная, с округлившимися от изумления глазами.

– Ты... С ума сошел?? – выдохнула она негромко и нервно оглянулась по сторонам.

Я сделал глоток кофе, следом затянувшись сигаретой и ухмыльнулся. Молча выдохнул дым в лицо Светке и вопросительно дернул бровью, сделав легкое движение вперед бед-

рами, отчего его стоящий колом член радостно закачался.

Светка опустила глаза ниже и, увидев почти дымящийся член, увенчанный практически бордовой головкой с уже блестящей капелькой, жадно облизала губы.

Глава 3

Вскинув на меня горящий похотливый взгляд, закусил нижнюю губу и сжала поплотнее бедра, что не укрылось от моих глаз.

По-прежнему не говоря ни слова, и чередуя затяжки сигареты и с глотками уже почти остывшего кофе, я прошел мимо неё и прислонился спиной к забору, слегка выдвинув свои бёдра вперед.

Прикрыв глаза, я с усмешкой наблюдал сквозь ресницы, как Светка, беспрестанно покусывая и облизывая губы, торопливо подскочила ко мне и опустилась на колени.

Скинув шаль и протяжно выдохнув, она прикоснулась губами к уже горячей головке и с наслаждением повозила по ней губами, лишь слегка размыкая их, и обильно смазывая ее слюнями.

– Подожди, – шепнула она и отвлеклась, складывая и подстилая себе под колени шаль. – Как я по тебе соскучилась, Сереженька – сбивчиво шептала она, обхватывая мой член ладонью и проводя по нему сверху вниз и обратно. – А ты? Ты скучал? – жадно смотрела она в мои глаза, делая рукой круговые движения по стволу, второй чуть сжав яйца.

Не отвечая ни слова, я щелчком пальцев выкинул бычок, откинул в сторону ставшую ненужной кружку, взял ее за подборода, приподняв его.

Через секунду я сжал пальцами ее щеки, заставив тем самым раскрыть свой рот. Второй рукой, взяв свой член пальцами, почти приставил его к губам Светки и остановился, выжидаяще на нее глядя.

Громко сглотнув и опустив глаза, она со стоном обхватила головку губами, плотно сжала их и принялась скользить по увитому венками члену, пыхтя и причмокивая.

Светкина голова резво сновала туда-сюда, вверх-вниз, изредка выпуская член изо рта, чтобы сделать глоток воздуха. Мой член с трудом помещался в ее рот, но она старательно насаживалась на него снова и снова.

Ее волосы растрепались совсем, постоянно падали ей на лицо и попадали в рот, отчего она вынуждена была прерываться и убирать их с лица.

Я аккуратно собрал ее волосы и зажал в кулаке, отлипая от забора и выпрямляясь. Так и держа одной рукой зажатые в кулаке волосы, второй рукой я, чуть согнувшись, сжал ее грудь и стал массировать, большим пальцем теребя сосок.

Светка застонала и поерзала на коленях, сунула свою ладонь себе между ног и с наслаждением прижала ее к лобку, средним пальцем дразня свою дырочку небольшим нажатиями.

– Открой рот, – приказал и, когда она сделала то, что я попросил, аккуратно, но быстро вошел на полную длину, быстро проскользнув по глотке глубже.

Уткнув нос девушки в свой лобок, я замер так на несколь-

ко секунд и, пропуская волну удовольствия через позвоночник, стал медленно двигаться, скользя по мышцам такого тесного и горячего горла Светки.

Она замычала, но я знал, что делает она это для того, чтобы мышцы ее глотки вибрировали и доставляли мне дополнительное удовольствие.

Когда ей надо будет – она даст мне знать, что пора освободить ее рот, но сейчас я продолжал аккуратно двигаться у нее во рту все быстрее и быстрее.

Выйдя наконец изо рта Светки, резким рывком поднял ее на ноги, поддерживая руками, так как ее подкашивающиеся ноги не давали ей стоять ровно.

По её подбородку водопадом текли слюни, губы распухли, из глаз текли слезы, но она норовила опуститься снова на колени и продолжить эту сладкую попытку.

Развернув ее спиной к себе, я положил ее руки на забор и прогнул в спине, заставив оттопырить задницу. Потом своей ногой легонько стукнул ее по лодыжкам, расставляя ее ноги пошире.

Поскуливая, она с готовностью расставила ноги на ширине плеч и покрутила задницей. Получив смачный шлепок по ягодице, взвизгнула и снова прогнула спину в пояснице, да так, что ее вульва раскрылась, истекая соком.

Я провел пальцами по промежности: она была не просто мокрой – она тонула в своей смазке, которая стекала вниз по внутренним пышным рыхлым бедрам девушки.

Размазав рукой смазку по её ляжкам, придвинулся к ней чуть ближе, немного присел в коленях и ткнулся головкой члена в ее уже хлюпающую дырочку.

Светка забилась в крупной дрожи и покрылась мурашками; тишину леса разрывало ее тяжелое и хриплое прерывистое дыхание. Немного подразнив ее, я, наконец, рывком вошел в нее с такой силой, что она врезалась головой в забор и протяжно громко застонала.

Натянув её бедра немного на себя, чтобы она не разбила себе голову, я стал слегка двигать своим задом, вынимая член совсем на чуть-чуть и снова вгоняя его в по самые яйца, которые со смачным чпоком шлепались об ее промежность.

Постепенно наращивая темп и крепко сжимая бедра девушки, я внимательно следил за ее реакцией, и, когда она была уже близка к кульминации, вдруг остановился, крепко прижимаясь своим пахом к ее ягодицам.

Светка заскулила и дернула задницей, прекрасно зная, что за этим последует. Я мотнул головой и усмехнулся.

«Вот же коза, напрашивается», – подумал про себя и... Не стал разочаровывать отзывчивую и всегда готовую соседку. Звонкий звук шлепка по ягодице разорвал утренний туман и где-то из кустов испуганно выпорхнула маленькая пичужка.

– О... О... О-о... О-х-х-х... – простонала Светка и ее колени дрогнули.

Я снова немного присел, и не выпуская пышный белый зад из своих лап, покрепче прижался к ней и немного приподнял

ее на своем члене.

Так, делая небольшие круговые движения и не вынимая из нее члена, я рывком за волосы поднял ее вертикально и прижал вплотную к забору, придавив ее своей тушей.

Прижавшись щекой к прохладному металлу забора и закатив глаза, она жадно вдыхала воздух, царапая забор ногтями. Я провел носом у нее за ухом и немного прикусил шею, наплевав на то, что и как она будет объяснять своему мужу.

Затем я устроился поудобнее и принялся мощными неторопливыми толчками долбить ее сзади так, что она аж размазывалась по забору, подпрыгивая вверх от моих ударов.

Мои яйца бились об ее ягодицы все сильнее и все быстрее, уже мои пах и живот были мокрыми от соков девушки и каждый раз, когда я отстранялся от нее, раздавался еле слышный звук, когда разделяют что-то липкое.

Мы оба были потными и горячими, и даже утренний прохладный воздух не мог остудить нас. Я ускорялся все сильнее и, поймав подходящий момент, просунул свою руку под живот девушки, по-прежнему намертво прижатой к забору.

Опустив руку еще ниже, нашел пальцами чувствительный бугорок и принялся массировать его в такт своим толчкам.

Когда Светка начала хрипеть и задыхаться, я, максимально быстро теребя клитор, несколькими мощными ударами довел ее до оргазма, не забыв при этом второй рукой зажать ее рот.

А то она своим воплем своему благоверному всю рыбу бы

заглушила – и динамит не потребовался бы.

В этот момент я почувствовал чей-то взгляд и через секунду нашёл его... Второй этаж дома, в раскрытом настежь окне, широко округлив глаза и чуть приоткрыв пухлые губы, стояла брюнетка.

Молодая, чёрные волосы водопадом падали на плечи, скрываясь за нижней границей окна...

Глазюки сверкают, лихорадочный румянец на щеках я вижу даже отсюда...

«Ахренеть, ты кто, красавица?!»

Глава 4

Крепко обняв Светку, чтобы она не упала и не отводя взгляда от красавицы в окне, одной рукой продолжая затыкать соседку, а вторую крепко прижимая к её лобку, я ждал, когда моя любовница закончит биться в конвульсиях и тут мне в руку ударила струя сквирта.

Я не отрывал глаз от неё – от этой чертовки в окне, которая смотрела на нас, будто замороженная. Её губы дрожали, пальцы впились в подоконник, а в глазах читалась какая-то дикая смесь шока, возбуждения и... любопытства. Да, именно любопытства.

Светка ещё тряслась у меня в руках, её тело обмякло, но я не собирался останавливаться. Наоборот.

– Ну что, соседка, думала, на этом всё? – прошептал я ей в ухо, намеренно громко, чтобы та, наверху, услышала.

Светка что-то пробормотала в ответ, но я уже не слушал. Всё моё внимание было приковано к брюнетке. Я медленно вынул себя из соседки, давая ей прочувствовать каждый сантиметр, а потом развернул её ко мне лицом и прижал спиной к забору.

– Серёж... – застонала она.

– Заткнись, – коротко бросил я, задрал её ногу себе на бедро и снова вошёл в неё. Глубоко, резко, демонстративно. Светка застонала, но я уже не думал о ней. Мои глаза были

прикованы к той, наверху.

Я двигался медленно, нарочито, чтобы она видела каждый толчок, каждое движение наших тел. Её дыхание участилось, губы приоткрылись, а пальцы сжали подоконник так, что костяшки побелели.

– Нравится, красotka? – проговорил я ей только губами, не сбавляя темпа.

Она встrepенулась, будто только сейчас осознала, что я вижу её – вижу всё. Глаза расширились, губы сжались, и в тот же миг она рванулась назад, словно обожглась. Окно захлопнулось с таким грохотом, что даже Светка вздрогнула у меня в руках.

– Кого это ты там... – начала соседка, запыхавшись, но я резко вогнал себя в неё глубже, заставив захлебнуться стоном.

– Никого, – буркнул я, но уголки губ сами потянулись вверх.

Сбежала.

Но не так быстро, чтобы я не заметил, как её пальцы дрожали, как грудь вздымалась под тонкой тканью футболки. И главное – как тёмные глаза горели, даже когда она уже пыталась делать вид, что ничего не произошло.

Притворщица.

Я знал это. Чувствовал.

Светка заняла подо мной, требуя внимания, но я уже был далеко. Мысли крутились вокруг одной-единственной кар-

тинки: как та, наверху, прикусила губу, прежде чем исчезнуть.

– Серёж... А-а... Ты... – соседка бестолково дёргалась, но я лишь прихватил её за бедро покрепче и ускорился, чтобы поскорее покончить с этим.

Мне было не до неё.

В голове стучало только одно:

Увидимся ещё, красотка.

Я снова покрепче вцепился в её бедра, и, уже ни о чем не думая, на максимально возможной для себя скорости вколачивался в ее влагище, чтобы через минуту еле успеть выйти, и мощным фонтаном выплеснуться ей на спину.

Прижавшись к ее спине и закрыв глаза я восстанавливал дыхание. Уже слышалось редкое щебетание птиц: лес просыпался. Легкий ветерок остужал наши разгоряченные тела и возвращал зрение и слух, отбитые на некоторое время утренним сексом.

Убедившись, что Светка твердо стоит на ногах, я кинул взгляд на окно – брюнетки не было.

Я отпустил Светку, поднял с земли ее цветастую шаль, накинул ей на плечи и, подняв свою кружку, направился к себе.

По земле расползлся мягкими облачками густой туман. Осень...

Уже подходя к дому услышал, как в доме забренчал телефон.

Недовольно сморщившись, зашел в дом и взял трубку:

– Кому жить надоело? – просипел хриплым голосом.

– Серый, даров! Ты помнишь, что у тебя сегодня дняха и мы проставляемся? – поинтересовался зычный голос по ту сторону телефона.

– Я-то помню, – буркнул недовольно, – а обязательно было звонить мне по этому поводу в шесть утра?

– Ну, во-первых – уже почти семь, а во-вторых – мне потом будет некогда, а ты можешь сделать вид, что забыл и испортишь нам нахрен весь сюрприз. Так что не гунди, а имей ввиду – сегодня в девять вечера собираемся в “Ликере без сахара”, адрес я тебе скину. Всё, Серый, давай, до вечера! – округлился зычный голос и послышались короткие гудки.

Я кинул взгляд на часы, висящие на стене – точно, без трех минут семь утра. Зевнул и, почесав зад, набрал того, с кем только что говорил:

– Слышь, Калач, а почему без сахара?

– Кто без сахара? – изумился Калач, – Серый, ты что, с похмелюги, что ли?

– Я стёкл, как трезвышко! – возмутился вполне искренне. – Почему ликер без сахара?

В трубке немного помолчали, посопели:

– А-а-а-а, – заржали в ответ, – ты об этом! А потому, волчара, что ликер там есть, а сахар – запрещен! Приедешь – сам увидишь, все, мне некогда! – снова гоготнул Калач и снова отключился.

– Засранец, – пробормотал я, кидая трубку на стол, и пошел одеваться.

Пора было собираться на работу. Мой собственный спортивный пивбар, хоть и открывается только в пять вечера, требует внимания, да и пополнение закровов сегодня: скоро чемпионат – горячее и закусь должны быть на уровне.

Я не любил много народа рядом, поэтому персонал держал минимальный, предпочитая многое делать сам. Мог и за барную стойку встать, товар всегда сам принимал, таская пиво паллетами, орешки и чипсы коробками.

Бочонки с пивом тоже сам тягал, мне не в лом было – наоборот, мне нравилась усталость после физических нагрузок.

Мой бармен был и за товароведа, и за бухгалтера, и за администратора, а охранник клуба мог и товар перетаскать, и водителем, если надо, поработать.

Два официанта вполне справлялись с нагрузками.

С оплатой, я, конечно, не жадничал, еще и премии подкидывал по случаю. Ради своего комфорта и удовольствия я готов был платить больше среднего.

Сегодня мой тридцать шестой день рождения. Шесть лет почти полного одиночества. Пять лет кошмаров.

И почему именно сегодня приснился этот давно забытый кошмар? В груди что-то неясно тянуло и было предчувствие чего-то хренового.

Глава 5

Аглая

Я сквозь сон слышала, как отец осторожно прикрыл за собой дверь. Шаги затихли, потом хлопнула калитка – значит, ушёл на рыбалку. Улыбнулась, уткнувшись лицом в подушку. Здесь, в его доме, было так спокойно. Лес, тишина, никакой городской суеты.

Если бы не Светка.

Я честно пыталась с ней подружиться, но что-то не клеилось. То взгляд у неё слишком оценивающий, то улыбка фальшивая. Но ради отца я терпела.

Потянулась, зевнула. Спать больше не хотелось, хотя рассвет только-только занялся. Решила встать, подошла к окну, распахнула его настежь – вдохнуть свежести, прохлады, этого лесного запаха, пропитанного осенью...

И обомлела.

Сначала мне показалось, что я сплю. Что это галлюцинация. Потому что на поляне за домом, прямо у забора, стоял... нет, не стоял – прижимал Светку к дереву огромный, абсолютно голый мужик.

И он её...

Я вжалась в подоконник, пальцы впились в дерево. Глаза расширились, дыхание перехватило.

Он был громадный. Широкие плечи, рельефный пресс,

мышцы, играющие при каждом движении. И шрамы – длинные, страшные, будто его когда-то разорвали на части. Они не делали его менее привлекательным. Наоборот.

А Светка...

Она стояла на коленях, её пальцы впивались в его бёдра, а он одной рукой держал её за волосы, другой – водил по её губам чем-то...

Членом.

Огромным, тёмным от возбуждения, с толстыми прожилками. Я никогда не видела ничего подобного. Только в фильмах, да и то мельком. Но это...

Он пихал его ей в рот.

Нежно, но властно. Светка обхватила его губами, с наслаждением облизывала, причмокивала, а её глаза блестели, будто она пила самый сладкий нектар.

Я не могла оторваться.

Они были внизу, у калитки, а я на втором этаже, но мне казалось, будто это происходит прямо передо мной. Я чувствовала этот момент – как её губы растягиваются, как слюна блестит на его коже, как он глубже заходит в её рот, а она стонет, будто это самое лучшее, что с ней случалось.

Мои ноги дрожали. В животе закрутило что-то горячее и стыдное. Я должна была отвернуться. Обязана была.

Но не смогла.

Я даже не успела осознать, что происходит дальше.

Он рывком оторвал Светку от себя – её губы с хлопком

отпустили его член, блестящий от слюны. Она вскрикнула, но не от боли, а будто от нетерпения. Мужик развернул её спиной к себе, одной мощной ладонью прижал к дереву, заставив согнуться в пояснице.

Его рука скользнула под её халатик, я увидела, как ткань задралась, обнажив голые белые бёдра. У Светки не было трусов.

Боже...

Он вжал её в кору дерева, его пальцы мелькнули между её ног – и Светка застонала так громко, что у меня по спине побежали мурашки.

Он не стал ждать.

Размахнулся – и с размаху всадил в неё себя.

Светка вскрикнула, её тело дёрнулось, но он тут же прижал её ещё сильнее, не давая вырваться. Его бёдра прилипли к её заднице, живот к её спине, а огромные руки обхватили её талию, держа так, будто она весила ничего.

И он начал двигаться.

Грубо. Резко. Без прелюдий, без нежностей.

Каждый толчок заставлял Светку вздрагивать, её крики смешивались с его хриплым дыханием. Он вгонял в неё себя так глубоко, что мне казалось – она вот-вот разлетится на куски.

Боже, она стонала так громко, что мне стало стыдно. Её нога обвивала его бедро, руки впились в его спину. Он держал её одной рукой за бедро, другой – за шею, и двигался с

такой силой, что у меня самой похолодело между ног.

Я не могла оторваться.

Мои пальцы впились в подоконник, ноги стали ватными, а в груди колотилось что-то горячее и тяжелое, будто раскаленный камень. Я даже не сразу поняла, что это – стыд? Испуг? Или...

Нет, нет, нет, это не может быть возбуждение.

Но губы сами собой приоткрылись, дыхание участилось, а между ног предательски сжалось, будто в ответ на каждый его толчок.

Он был огромный. Грубый. Сильный. Его спина, покрытая шрамами, напрягалась с каждым движением, а низкий голос, когда он шептал что-то Светке, пробирал до мурашек.

Боже...

Я видела, как он входит в нее. Глубоко. Резко. Безжалостно. Видела, как ее тело вздрагивает, как пальцы впиваются в его плечи, как она...

Я зажмурилась, но картинка не исчезла. А потом он поднял глаза. И взгляд...

Чёрный, горящий, прямо в меня.

И увидел меня.

В тот момент я почувствовала себя голой. Будто он не просто смотрел, а разглядывал – видел мой румянец, мое дрожание, мое... Любопытство.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Грудь вздымалась, соски затвердели под тонкой майкой.

Между ног стало горячо и влажно.

Светка закричала, её тело затряслось, а он... он не оставался. Наоборот, ускорился, глядя на меня. Будто это я была там, в его руках.

Я ахнула, но не смогла отпрянуть. Он видел, что я смотрю. Видел и... Наслаждался этим?

Его губы шевельнулись.

– Нравится, красотка?

Я вздрогнула, будто он действительно сказал это мне, а не просто беззвучно шевельнул губами. Сердце бешено застучало, и я рванула голову назад, спотыкаясь о собственные ноги.

И тут до меня дошло.

Я стою у окна, полуголая, и пялюсь на то, как трахают мою мачеху.

Сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Я рванула назад, окно захлопнулось с грохотом.

Прижалась к стене, дрожа.

Что это было?!

Кто этот мужчина? Почему он здесь? Отец ведь говорил, что тут рядом нет никого! И почему... Почему мне так хочется снова выглянуть?

Что это было?!

Я стояла посреди комнаты, прижимая ладонь к груди, словно пытаюсь унять бешеный стук сердца. В ушах звенело, щеки горели, а между ног...

Нет.

Я резко встряхнула головой, будто могла стряхнуть эти мысли.

Это же Светка! Мачеха! Отец...

Меня вдруг бросило в жар.

Боже, папа...

Он ушел на рыбалку с утра, даже не подозревая, что его новая жена...

Я сжала кулаки.

Надо ему сказать.

Но тут же перед глазами снова всплыло его лицо – этот... сосед. Его взгляд. Голос. То, как он двигался...

Я резко села на кровать, закрыв лицо руками.

Нет, я не могу.

Как я скажу отцу? Как объясню, что видела это? Что стояла и смотрела, вместо того чтобы отвернуться?

А если он спросит, почему я не закричала, не прервала их?

Я сглотнула.

Потому что не смогла.

Потому что...

Я сжала зубы.

Потому что мне было интересно.

И теперь мне было стыдно.

Я упала на спину, уставившись в потолок.

Что же делать?..

А еще...

Я снова вспомнила его взгляд.

Он меня видел.

И, кажется, это его только раззадорило.

От одной этой мысли по спине пробежали мурашки.

Черт.

Я перевернулась на бок, сжавшись в комок.

Надо забыть. Просто забыть.

Но я знала – не смогу.

Потому что теперь, когда я закрывала глаза, передо мной снова была эта картинка.

И будто его голос в голове:

«Увидимся еще, красотка»...

Глава 6

Я сидела на кровати, сжимая кулаки, пока за окном разгоралось утро. В голове гудело, в груди колотилось что-то горячее и колющее – то ли стыд, то ли злость.

А потом снова, крадучись и прячась за шторкой, выглянула в окно.

Мачеха.

Она шла по тропинке к дому, запыхавшаяся, с растрёпанными волосами. Её халат был наспех запахнут, но я видела, как под тканью колыхается грудь, как она тяжело дышит, будто пробежала марафон.

И она улыбалась.

Губы её были красные, чуть припухшие, уголки влажные. Она провела по ним тыльной стороной ладони, потом поправила волосы, глубоко вдохнула – и вошла в дом.

Я отпрянула от окна, будто её взгляд мог меня обнаружить. Да куда там, она, кажется, ничего не видела сейчас, кроме того... что было у неё во рту!

Какая же ты...

Слова застряли в горле. Лицемерка. Лгунья. Предательница.

Мой отец даже не подозревал, что его жена только что...

Я сжала зубы.

Через полчаса вернулся папа. Я слышала его шаги, его

голос – спокойный, довольный.

– Аглая, Светлана, я дома! Поймал пару окуней, будем уху варить!

Я не ответила.

Светка тут же выскочила к нему и защебетала, будто ничего не случилось.

– Боренька, ты мой золотой! Я тебе кофе сварила, иди согрейся!

Её голос звучал так сладко, так фальшиво, что у меня скрутило живот.

Я спустилась вниз, стараясь не смотреть на неё.

Папа стоял у печки, снимал куртку. Высокий, статный, с прямой спиной – даже сейчас, в простом свитере и поношенных джинсах, он выглядел так, будто только что сошёл с плаката про «настоящих мужчин». Бывший военный прокурор, привыкший командовать, но дома – мягкий, тёплый, с лёгкой усталостью в глазах. Его руки, обычно такие твёрдые и уверенные, сейчас нежно перебирали улов, а лицо светилось той самой добротой, которую он берег только для нас.

Для нее.

Для той, что только что...

Я отвернулась, чувствуя, как подступает ком к горлу.

– Аглая, что-то случилось? – папа положил руку мне на плечо, и я чуть не вздрогнула.

– Нет, – прошептала я. – Просто... не выпалась.

Он улыбнулся, потрепал меня по волосам, как в детстве.

– Тогда иди, поспи ещё. А я пока рыбу почищу.

Я открыла рот.

Скажи. Скажи ему. Сейчас же.

Но слова не шли.

Подколотная змея, моя мачеха, тут же подсуежилась:

– А я вот как раз кофе сварила! Иди, выпей, взбодрисься!

Она улыбалась мне, но в её глазах читалось что-то... настороженное. Будто она чувствовала, что я что-то знаю.

Я отвернулась.

Она не отстала. Подошла к папе, обняла его за талию, прижалась.

– Боря, а давай сходим в спальню? Я тебе спинку помассирую...

Её пальцы скользнули под его рубашку.

Меня передёрнуло.

Папа рассмеялся, покраснел.

– Ну, Свет... Дочка же тут...

– Аглая взрослая девочка, она всё понимает! – она хихикнула, потянула его за руку.

Я сжала кулаки.

Как ты можешь?! Ты только что... с ним... а теперь...

Но папа уже позволял ей увести себя.

Дверь в спальню закрылась.

Я стояла посреди кухни, чувствуя, как во рту горчит от злости...

Днём я вышла во двор. Папа рубил дрова, его спина на-

прыгалась с каждым ударом топора.

Я подошла, стараясь говорить спокойно.

– Пап, а... ты любишь Светлану?

Он остановился, вытер лоб, задумался.

– Люблю? – Он усмехнулся, но в глазах мелькнула тень. –

Нет, Аглая. Так, как я любил твою маму, я никого любить уже не смогу.

Моё сердце сжалось.

– Но Света... она хорошая. Заботится, старается.

– Ты уверен, что она любит тебя, а не твои деньги и статус?

Папа рассмеялся, снова взмахнул топором.

– Деньги любят все, дочка. А то, что я её балую... – Он пожал плечами. – Разве мужчина не должен баловать свою женщину?

Я закусила губу.

– А если бы она любила только деньги, так есть мужчины и побогаче, и постатуснее меня.

Я хотела крикнуть: Но она же изменяет тебе! – но снова не смогла.

Вечером мы сели ужинать. Уха пахла дымком, хлеб был свежий, но я не чувствовала вкуса.

– Пап, – вдруг спросила я, – а есть тут ещё соседи? Или мы одни живём?

Он пожал плечами.

– В пяти минутах ходьбы дом стоит, но с хозяевами не знаком.

Светлана вдруг побледнела. Потом резко покраснела, закашлялась в салфетку.

– Я... я тоже никого не знаю, – проговорила она слишком быстро.

В голове у меня бушевало.

Враньё.

Перед глазами снова встал тот мужчина – высокий, брутальный, с изуродованными шрамами. Он смотрел на меня, пока трахал её. Смотрел так, будто...

Я вскочила.

– Мне надо в город.

– Что? Почему? – папа нахмурился.

– Работа. Дела, – я уже собирала вещи, не глядя ни на кого.

Я схватила сумку, резко застегнула куртку, не глядя ни на кого. В горле стоял ком, а пальцы дрожали так, будто я только что выбежала из ледяной воды.

– Аглая, – папа отложил ложку и внимательно посмотрел на меня. Его взгляд был тёплым, но в глубине – острым, будто он чувствовал, что что-то не так. Но он ничего не сказал. Только вздохнул и добавил: – Позвони, как доберёшься.

Я кивнула, но внутри всё сжалось.

Он не знает. Он даже не подозревает...

А я?..

Я не знала, что делать.

Но одно было ясно – я не могла просто забыть.

Особенно после того взгляда.

«Увидимся ещё, красотка»...

Я сглотнула.

Нет.

Это должно было закончиться.

Но как?..

Светка сидела, уткнувшись в тарелку, её пальцы сжимали вилку так сильно, что костяшки побелели. Она боялась. Боялась, что я сейчас разоблачу её.

Но я не стала.

Потому что в голове всё ещё стоял он.

Его глаза.

Его шрамы.

И то, как он смотрел на меня, пока она... Пока он... Её...

Я резко вышла, хлопнув дверью.

Надо было бежать.

Но куда?

И главное – от кого?

От отца?

От неё?

От него?

Или от себя самой?

Потому что я не знала, что страшнее – её измена...

Или то, что он мне понравился.

Глава 7

Проснулась с ощущением, будто всю ночь не спала, а бежала – от собственных мыслей, от того взгляда, от шрамов на его теле. От того, как он смотрел на меня.

Потянулась к телефону. Никаких сообщений. Ни от отца, ни от Светки. И слава богу.

Быстро собралась, наспех проглотила кофе, даже не почувствовав вкуса. Выбежала на улицу, вскочила на байк. Ветер бил в лицо, но не охлаждал жар под кожей.

Университет встретил меня шумом студентов, смехом, криками. Я машинально оглядела двор – ни намёка на Петра. Слава богу.

– Глаш!

Голос заставил вздрогнуть. Даша и Маша, мои вечные тени, уже мчались ко мне, размахивая руками.

– Глаш, пойдешь сегодня с нами в бар? Всё лето же не виделись!

– Да, Глаш, пойдём, а?

Близняшки синхронно склонили головы набок, изображая жалобные мордашки.

Я закатила глаза.

– Не сегодня. Точнее, сегодня точно не получится.

– Да блин, Глах! – взвизгнула Даша. – Нам учиться осталось всего ничего – полгода, а потом диплом! Считай, пять

лет учебы за плечами, а тебе и вспомнить-то будет нечего!

– Даже не уговаривайте. У меня на сегодня работа. Вы ж знаете, как хорошо это оплачивается.

Они переглянулись. Знали. И знали, что спорить со мной бесполезно.

Я закинула рюкзак за спину, застегнула косуху и подошла к своему байку. Сегодня, когда пришло сообщение от Агнара о заказе, я обрадовалась. Деньги, как известно, лишними не бывают, а такие заказы всегда оплачивались очень хорошо.

А тем, кто хотел большего, Агнар всегда доходчиво объяснял правила хорошего тона. Так что, я была спокойна.

– О! Прикатила! Реву, шуму на весь двор. Маленькая, как подросток, а шуму от тебя, как от самосвала! – приветствовала меня бабка Тоня.

– И вам добрый день, баб Тонь!

– Глаш, да когда ж ты его сменишь-то уже на нормальную машину, вон, хать, как у Клавки из второго подъезда?

– Баб Тонь, ну вы ж сами говорили, что Клавка – шалава. А я девушка приличная. Приличным девушкам, цитирую вас же, “ни в жисть не насосать на такую тачку”! Вот я и не насосала еще, а потому езжу на том, на что смогла.

– Ой! Вот умная ж ты девка, Глаш, а иногда такую ересь несешь, что аж стыдно за тебя! – соседка махнула на Глашу рукой. – Иди уже, с Богом, в свой скворечник. Чутка позже тебе пирожков с картошкой принесу. Как тебя только ветром не сдувает с твоей колымаги.

– Спасибо, баб Тонь!

Улыбаясь, я нырнула в подъезд, поднялась на лифте до последнего этажа и прошла последний лестничный пролет пешком. В мой скворечник, как называла мои хоромы в мансарде соседка, лифт не доходил. О том, что она пирожки, даже такие вкусные, я не ем, баб Тоне говорили раз тысячу, но...

– Ишь, чего выдумала: не ест она пирожки. Знаю я энти ваши диеты и голодания! Тебя еще откармливать и откармливать. Ешь, давай!

Спорить и что-то доказывать пожилой одинокой соседке, подкармливающей меня пирожками, не хотелось.

Я переоделась в домашнее, и шагнула к кухонному уголку. Щелкнула кнопкой включения чайника, насыпала щедро кофе в кружку и, в ожидании закипания чайника, открыла сообщение от Агнара: «Сегодня есть для тебя заказ. Красный. Заказ оплачен».

Чайник закипел, щелкнул.

– Будет вам Красный, – проговорила вслух, наливая кипяток в кружку.

Не успела сделать и пары глотков, как в дверь забарабанили.

– Глаша, открывай! Это я! – раздался голос соседки бабы Тони.

Вздохнув, пошла открывать. Иногда соседка умела быть очень настойчивой в своем желании догнать и причинить

добро.

– Опять кофе глушишь вприглядку? – потянула носом соседка, входя в мою крохотную студию. – Вот, накося, я тут тебе еще и борща плошку налила. Как раз настоялся ужо. С пирожками вприкуску самое оно будет!

– Баб Тонь, – начала я было говорить, но была остановлена соседкой:

– Ешь, я сказала! Опять, поди-ка, в ночь на работу уйдешь? – бабка Тоня сверкнула глазами.

– Уйду! – согласилась я. – Баб Тонь, не жди меня, ложись спать. Ты же знаешь, что меня привезут.

– Вот когда тебе будет привозить не такси, а твой хахаль, тогда и буду ложиться спать! А куда тебя возит Карим, Сурен, Гурген али кто другой из понаехавших к нам за длинным рублем, я буду сидеть и ждать у окна. Поняла меня?

– Поняла, – я улыбнулась и покорно кивнула.

– И чтоб перед тем, как в такси сядешь, позвонила мне!

– Позвоню.

– Вот так-то лучше! – баб Тоня смягчилась и ткнув пальцем в борщ, скомандовала:

– Ешь, давай! Пирожки потом, ночью съешь, чтоб не голодной спать ложиться.

– Хорошо, баб Тонь.

– Ешь, и ложись поспи, а то опять не выспишься.

– Поем и лягу.

– А чего это ты сегодня такая вся из себя послушная, а?

Не споришь со мной. Случилось что ли чего, соседка?

– Да как-то беспокойно мне, баб Тонь, – призналась Аглая. – Может, кинешь карты?

– А давай, кину, – охотно согласилась соседка и достала потрепанную колоду из передника. – Хорошему человеку от чего ж не кинуть? Ты ешь, давай, а я пока пойду вот там у тебя перед диваном на столике раскину.

Я послушно съела борщ, вымыла миску и подошла к дивану, где баб Тоня, больше известная, как гадалка Антонина, раскладывала карты.

Едва я подошла, как соседка вскинула на меня внимательный взгляд и проговорила задумчиво:

– Встреча у тебя сегодня будет. Судьбоносная.

– Ага, с женой изменника! – усмехнулась Аглая. – Ему друзья сюрприз заказали, только забыли его жену предупредить.

– Да нет, девочка. Женщин сегодня ты не встретишь. Все те же, шмары ваши. А вот Король Пик – это серьёзно. Это опасный человек, тайный враг с очень темными волосами и черными глазами, – баб Тоня вернулась взглядом к раскладу карт на столе и постучала указательным пальцем по семерке бубен рядом с Королем Пик, – вот только это и успокаивает меня. Будет тебе помощь от благородного человека. Только что-то не пойму я... Странно как-то карты легли...

Я молча смотрела то на баб Тоню, то на карты... Нормально лежит, как по мне. Ровненько.

– Нет, не могу понять! – выдала она, досадливо цыкнув на карты. – Это тебе, девонька, надо будет самой разбираться, кто тебе друг, а кто враг. Так-то! – ткнула она указательным пальцем в какую-то карту.

– Ну надо так надо, – согласилась я, – разберусь. Спасибо, баб Тонь, – я наклонилась и чмокнула старушку в морщинисту щёку, пахшую пирожками.

– Правда, не так скоро, но всё-таки. Не можешь отказать-ся-то, Глаш?

– Не могу, баб Тонь, ты же знаешь. Не переживай ты так за меня! Зря я, что ли, на тренировки по тайскому боксу хожу? Тренер меня хвалит, я смогу за себя постоять, да и Агнар не даст в обиду.

– Вот только это и успокаивает меня, девочка.

Соседка ушла, а я завела будильник, поставив его через час и легла спать.

Глава 8

Сергей

Я стоял у служебного входа в зал и обводил взглядом помещение. Отлаженный механизм взаимодействия персонала и посетителей работал, как часы.

Стиль руководства, признаюсь, у меня был жесткий и бескомпромиссный, вторых шансов я не давал, но и по зарплате не обижал, поэтому обслуживающий персонал был вышколен и за работу держался.

Я знал, что в моё отсутствие тут порядка даже больше, чем в моё присутствие, как бы парадоксально это ни звучало. Ибо боялись накосячить и вылететь.

Я не признавал никаких трудовых кодексов, призывающих нарушителя трудовой дисциплины сначала опросить, предупредить и только потом уволить.

За что исправно платил, благодаря трудовой инспекции, штрафы и компенсации, но никогда не восстанавливал на работе уволенного.

Могу я за свои бабки делать, что хочу?

Увольнял сразу. Пробовали судиться, так делов-то: пришёл в суд, признал факт нарушения Трудового кодекса, заплатил, что надо, и свободен.

Но зато потом никто из тех, кто пробовал судиться, так и не смог устроиться на работу в этом городе.

А со временем и судиться перестали. Выгонять некого стало, персонал, наконец-то, подобрался толковый. Я держался за него, он – за меня.

Кинув взгляд на часы, прикинул, что скоро выезжать в какой-то “Ликер без сахара” – придумал же кто-то название.

То ли дело у меня: “Логово Волка” – коротко и ясно. А там что? Женский клуб по интересам? Я тогда Калачу и остальной компании рыло начистит.

Я досадливо поморщился: не хотел никуда ехать, но обещал мужикам, что в этот раз не зажму свою днюху, и даже согласился на какой-то сюрприз от них. Старею.

Но придётся потерпеть ради своих братьев по духу. Наш байкерский кагал – это единственный социум, где я хоть как-то мог контактировать хоть с кем-то.

Но недолго. Все эту мою особенность знали и особо с дружбой не лезли, знали, что я, хоть и избегаю тусовок и пьянок, но слово свое держу и всегда помогу, не требуя ничего взамен.

Прислонившись плечом к дверному косяку, я с наслаждением вдыхал витающий в воздухе запах дорогого табака и еле уловимый запах меда. Сегодня поступили кедровые орешки в меду.

– Капец. Я орешки в меду продаю, – еле слышно себе под нос буркнул, сам себе удивляясь. – Кто бы ещё пару месяцев назад сказал – в морду бы дал.

Но приходится подстраиваться под реалии современного

мира, где и женщины под пиво смотрят спорт и матерятся.

Нельзя сказать, что я не любил матерящихся женщин – я их в принципе не любил. Для снятия напряжения признавал только шлюх, любящих пожестче.

Но и женщины в мой в бар приходили не фитоняшки, и далеко не юницы. Состоявшиеся бабехи, которым тоже надо где-то расслабиться и отдохнуть от мужей-подкаблучников, сопливых детей, дураков-партнеров и идиотов-сотрудников.

Вот одна такая взорвала картину моего восприятия женщин:

– Слышь, волчара, ты, что ли, хозяин сего заведения? – как-то раз спросила меня брутальная такая тетка, владелица небольшого заводика по производству бетона, и окидывая меня взглядом, в котором читалось: «Ну-ка, покажи, кто тут альфа».

Я усмехнулся про себя. Если бы все женщины были такими, человечество бы вымерло – мужики просто не рискнули бы подойти. Но хоть смелости у неё не отнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.